

УДК 340

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-101-108

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ (ПРОБЛЕМЫ) ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОСОЗНАНИЯ ПОНЯТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И ПРАВОСОЗНАНИИ В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ СУДЕБНЫХ УСТАВОВ 1864 ГОДА

Артеменко И.А.

Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова

655000, Республика Хакасия, г. Абакан, пр. Ленина, д. 90, Российская Федерация

Аннотация. Цель: В процессе изучения судебных уставов 1864 года автором выявляется специфика рассмотрения судами особо важных государственных (политических) преступлений.

Методы исследования: В статье используется исторический метод научного исследования, метод системного и комплексного анализа.

Результаты исследования: Проведённое автором исследование позволило определить отдельные правоприменительные проблемы в период действия Судебных уставов 1864 года. Выводы автора иллюстрируются примерами из судебной практики, что позволяет заключить, что в пореформенном законодательстве сохраняются правовые нормы, обеспечивающие публичные интересы монархии, избыточные различными казуальными терминами, сущность которых в законе не раскрывалась, что, естественно, препятствовало правильному объективному (формально-определённому) осознанию понятия государственного (политического) преступления.

Теоретическая/практическая значимость: Основные выводы автора могут быть использованы в учебной литературе по истории права и государства.

Новизна: Автором доказано, что судебная реформа 1864 года внесла значительные изменения в судоустройство крепостнической России. Доказано, что, несмотря на значительные изменения в судоустройстве крепостнической России после проведения судебной реформы Александра II, в политическом процессе сохранились многие дореформенные черты.

Ключевые слова: проблемы, правоприменение, преступление, наказание, суд, судебная практика.

UNDERSTANDING THE CONCEPT OF CRIME IN 1864 JUDICIAL STATUTES

A. Artemenko

Khakas State University named after N.F. Katanov

90, Lenin ave., Abakan, Republic of Khakassia, 655000, Russian Federation

Abstract. Objective. In the process of studying the Judicial Statutes of 1864, the author reveals the specifics of court trial of grave anti-state (political) crimes.

Research methods. The article uses historical method of scientific research and method of systemic and complex analysis.

Results of the research. The research reveals certain law enforcement problems during the validity of the Judicial Statutes of 1864. Based on the examples from judicial practice, the author concludes that in the post-reform Russian legislation some legal norms testifying to the public interests of the monarchy survived. They abound in various casual terms the essence of which was not stated in the law, which naturally hindered the correct (formally-defined) understanding of the concept of state (political) crime.

Theoretical / practical significance. The author's main findings can be included into textbooks on the history of law and the state.

Novelty. The author proves that the Judicial Reform of 1864 made significant changes in the judicial system of feudal Russia. Despite significant changes in the judicial system of feudal Russia after the Judicial Reform of Alexander II, many pre-reform features survived in the political process.

Key words: issues, law enforcement, crime, punishment, court, judicial practice.

Как известно, Судебные уставы 20 ноября 1864 г. провозгласили отмену теории формальных доказательств, независимость судебной власти, учреждение кассационного суда, гласность, устность, состязательность, законность и пр. В общем, изменили прежнюю организацию судебной инквизиционной власти, но помимо этого в уголовном законодательстве постулируется правильное формально-определённое понимание понятия преступления. Уникальность новых правовых установлений широко и обстоятельно освещается в научных историко-правовых изысканиях разных лет. В частности, Т.С. Коваленко указывает, что судебная реформа 1864 г. воплотила в жизнь международные стандарты и принципы осуществления правосудия: гласность, состязательность, равенство сторон и пр. [4, с. 261]. Находится также и мнение, что главным достижением реформы следует считать учреждение самостоятельной независимой судебной власти [3, с. 24]. Однако мы выявляем некото-

рые правоприменительные проблемы, относящиеся к данному историческому периоду. Обратимся к примеру. Так, 18 октября 1877 г. в Особом присутствии Правительствующего сената с участием сословных представителей началось разбирательство дела о революционной пропаганде в империи, ставшее более известным по названию «Процесс 193-х» [1, с. 1].

Судебное разбирательство проходило в маленьком помещении, несмотря на большой резонанс уголовного дела в обществе и значительное число его фигурантов. Интересен также тот факт, что в последующем суд, сославшись на недостаточность места в зале суда для размещения всех обвиняемых, разделил их на 17 групп по несколько человек. По мнению судебного состава, раздельное рассмотрение дела (по группам) нисколько не ущемляло интересов сторон, кроме того, некоторые эпизоды обвинения было решено рассмотреть в закрытом судебном заседании [1, с. 243, 244]. Принцип гласности, провозглашённый судебными

уставами, предполагает открытое разбирательство, обеспечивающее возможность присутствия на судебном заседании лиц, не являющихся его участниками. В деле 193-х большую часть времени процесс шёл за закрытыми дверями.

На досудебной стадии в «Процессе 193-х» в качестве средства для получения необходимых следствию показаний применялись пытки, но уже в более завуалированной форме. Примером может служить высказывание одного из подсудимых, что за нежелание отвечать на вопросы он был закован сначала в ножные кандалы, а потом и в наручники, одновременно с этим ему запрещалось пользоваться кипячёной водой. В течение нескольких месяцев он находился в одиночной камере, где ему не позволялось даже читать [1, с. 281].

Общеизвестно, что многие из арестованных по указанному делу несколько лет отбывали одиночное заключение, некоторые из них умерли или сошли с ума.

Из приговора по делу 193-х [1, с. 283–302] мы видим, что действия подсудимых обобщены достаточно пространственным описанием события инкриминируемого им преступления. В нём явно отсутствует оценка фактов, рассмотренных судом для установления события преступления. Судебные выводы не мотивированы, из приговора неясно, по каким соображениям суд приходит к мнению о виновности подсудимых. Недопустимая краткость и неполнота текста судебного акта становятся его особенностью. В целом в период реформ высшие суды демонстрируют высокий уровень юридической техники. В связи с чем возникает

предположение: а не свидетельствует ли краткость в выводах приговора о намеренном уклонении суда от анализа представленных участниками процесса доводов? Рассуждая об ответственности членов судебного состава, мы задаёмся ещё одним вопросом: мог ли каждый из них поплатиться за легковесное отношение к фактам и доказательствам по этому нашумевшему политическому делу? Скорее, наоборот. В состав суда наряду с сенаторами с равным количеством голосов вошли авторитетные представители дворянства и органов власти, занимавшие высокие публичные должности. Так, Я.И. Журавлев являлся новгородским городским головой, другой – П.И. Спазин-Тормасов – внешневолоцким уездным, но в то же время они, впрочем, как и весь состав суда, не желали попасть в немилость императора, нуждавшегося в гарантированном вердикте. Не исключено, что указанные лица выражали субъективное отношение к делу, поскольку не имели соответствующего образования. О явном обвинительном уклоне и нарушении права на защиту свидетельствуют те же самые факты организации процесса в небольшом помещении Петропавловской крепости и разделения подсудимых на группы. Помимо этого, в ходе судебного разбирательства не раз отклонялись ходатайства и заявления о нарушении прав обвиняемых, многие их выступления попросту обрывались. Например, в судебных прениях была прервана речь подсудимого И.Н. Мышкина, показавшаяся не приемлемой составу суда [1, с. 2].

Подсудимым вменялось в вину нарушение ст. 250 Уложения о наказаниях (1874 г.), предусматривающей высшую

меру наказания за бунт против верховной власти. Причём в диспозиции статьи используется весьма пространное понятие “злоумышление”, сущность которого Уложением не раскрывалась [10, с. 426]. На примере судебного приговора мы видим, что участники “хождения в народ” были осуждены за выражение в той либо иной форме свободы личности политического толка. Выявляется также проблема казуального мышления, т. е. условность и ограниченность подхода к правым явлениям, понимание преступления прежде всего как юридического понятия, а не деяния, попросту заслуживающего отрицательной оценки.

Следует заметить, что признак противоправности закрепляется ещё в нормах Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.): преступлением считается «всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав верховной власти и установленных ею властей, или же на права и безопасность общества и частных лиц» (ст. 1). [6, с. 174].

Эволюцию понятия преступления в рассматриваемый исторический период можно проследить, сравнив указанное нормативное предписание с пониманием преступления, данным в Своде законов Российской империи, где оно трактуется как деяние, запрещённое под страхом наказания (ст. 1) [7, с. 387]. Здесь мы видим, что формулировка, проявляющаяся в свободном механизме реализации наказания, заменена чёткой юридической основой деяния, однако вышеприведённый пример свидетельствует о правоприменительных проблемах в понимании

преступления как явления правовой природы.

В исторической литературе отмечается, что решение суда о смягчении подсудимым наказания было отвергнуто Александром II, из-за чего на каторгу были отправлены фигуранты дела независимо от судебного вердикта. Фактически 80 из 90 оправданных судом человек были сосланы в разные места России в административном порядке [1, с. 302].

Таким образом, несмотря на провозглашённые в результате реформ прогрессивные принципы организации судебной деятельности, царизм сдерживал их реализацию на практике. Судьба политического процесса оказалась независимой от многих коренных положений судебных уставов. Если реформой власть разделялась по горизонтали, то в делах, заслуживающих внимания императора, была очерчена чёткая вертикальная линия его личного контроля; он утверждал приговор, ему же принадлежало право на помилование. Уставом уголовного судопроизводства (1864 г.) неоднозначно разрешался вопрос и о подсудности дел по государственным преступлениям, их можно было рассматривать как в судебных палатах, так и в верховном суде (ст. 204) [9, с. 98]. В то же время отдельно предписывалось (ст. 1032) разрешать политические дела судебной палатой по месту совершения преступления [9, с. 384]. В исторической литературе отмечается, что верховные суды по государственным преступлениям так и не были утверждены, а фактически дела о заговорах против императора рассматривались Особыми присутствиями Правительствующего сената [8, с. 269]. А.М. Мойсинович

указывает, что политические преступления были изъяты из подсудности суда присяжных в связи с сильным противостоянием в комиссии по подготовке судебных уставов [5, с. 69].

Безусловно, мы не можем утверждать о полной судебной гласности, публичности уголовного процесса, когда повсеместно в делах, заслуживающих внимание государя, мы встречаем абсолютно иное. Традиционно ещё с петровских времён рассмотрение политических дел происходит в специально отведённом месте (затрудняющем присутствии общественности), как правило, такие дела слушались за закрытыми дверями в Петропавловской крепости г. Санкт-Петербурга (вышеуказанный пример «Процесса 193-х», там же в зале комендантской квартиры проходил знаменитый «Каракозовский» процесс).

Как нами уже указывалось, судебной реформой 1864 г. была категорично отклонена теория формальных доказательств. Вероятность доказать свою невиновность воплощалась в жизнь благодаря принципу состязательности. В общих чертах он выражается в наличии перед судом равноправных участников. Это означает, что стороны изначально ставятся в равное положение по отношению к возможности предоставления доказательств. Однако в политическом процессе жандармами использовались более широкие возможности как по отношению к получению обличающих виновного доказательств, так и в части репрессивного воздействия на личность. Здесь, в частности, следует вести речь об усилении мер уголовно-процессуального принуждения (задержании, содержании под стражей и т. д.) в отношении

заподозренного в совершении политического преступления человека.

Повсеместное нарушение принципа состязательности сторон наблюдается в формальном отношении жандармов к декларированным судебными уставами процессуальным правам обвиняемого. Хотя они и обеспечивались за счёт участия в уголовном процессе защитника (присяжного поверенного), однако на стадии дознания эффективных средств правовой защиты от нарушений прав обвиняемого в политическом преступлении попросту не существовало. Так, в отмеченном нами деле Каракозова защитники обвиняемых были лишены возможности ознакомления с материалами уголовного дела перед судом [8, с. 282]. Другим подобным примером в деле о демонстрации на Казанской площади (6 декабря 1876 г.) может служить прозвучавшее в суде заявление защитников подсудимых о том, что об обстоятельствах обвинения им стало известно только из обвинительного акта, врученного, опять же, незадолго до начала судебного заседания [1, с. 1]. В этом также усматривается ограничение права обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела перед судом.

Стоит добавить, что обвинение в государственном (политическом) преступлении, как правило, опиралось на свидетельские показания и признания обвиняемых, да ещё полученные с использованием различных увещательных приёмов (вспомним дело 193-х). Такие доказательства вины подсудимого становились в суде весомым преимуществом для обвинителя. Наглядной иллюстрацией этого вывода могут служить единичные оправдательные приговоры на фоне несколь-

ких сотен граждан, необоснованно осуждённых за революционную пропаганду.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что Судебная реформа 1864 г. внесла значительные изменения в судостроительство крепостнической России, но всё-таки в политическом процессе сохранились многие дореформенные черты. Царское правительство не только сдерживало реализацию поставленных реформой целей, но и предприняло ряд важных шагов по пути обратных преобразований. Наблюдается сужение сферы деятельности суда присяжных при расширении его состава с сословными представителями. Дознание по политическим преступлениям передаётся жандармам. С наделением судебной функцией местных административных органов – земских начальников – упраздняется мировая юстиция – одно из важнейших достижений судебной реформы 1864 г. В научной литературе также отмечается, что судебная реформа распростра-

нилась не на все регионы России – сохранились особые сословные суды для крестьян – волостные, осуществлявшие юрисдикцию на основе правовых обычаев [2, с. 9]. Эти и многие другие результаты противодействия проводимым реформам в стремлении приспособить суд к существующей форме правления и политическому режиму, несомненно, сводились к ограничению демократических принципов и институтов судебных уставов. Но что самое главное, всё это негативно сказывалось на правоприменительном процессе и принимаемых решениях.

Мы видим, что в пореформенном законодательстве сохраняются правовые нормы, обеспечивающие публичные интересы монархии, избилующие различными казуальными терминами, сущность которых в законе не раскрывалась, что, естественно, препятствовало правильному объективному (формально-определённому) осознанию понятия государственного (политического) преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственные преступления в России в XIX веке: сб. полит. процессов и др. материалов, относящихся к истории революц. и оппозиц. движений в России / сост. под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Т. 3: (Процесс 193-х). СПб., 1906. 308 с.
2. Ефремова Н.Н. Справедливость как фактор развития правосознания и правовой культуры России пореформенного периода // Право. 2013. № 3. С. 3–11.
3. Краковский К.П. Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки // Журнал российского права. 2014. № 12 (216). С. 16–31.
4. Коваленко Т.С. Исторический путь зарождения, становления и развития судебной власти в России // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 5. С. 259–263.
5. Мойсинович А.М. Судебная реформа 1864 г. в оценках современников и исследователей второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2006. 260 с.
6. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века / отв. ред.: О.И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1988. 432 с.
7. Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 8. Судебная реформа / под ред. Б.В. Виленского; О.И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1990. 496 с.

8. Стасов Д.В. Каракозовский процесс (некоторые сведения и воспоминания) // *Былое*. 1906. № 4. С. 276–298.
9. Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2 [Устав уголовного судопроизводства]. СПб: Издание Государственной Канцелярии, 1866. 555 с.
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с дополнениями по 1 янв. 1876 г. / сост., предисл. Н.С. Таганцева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1876. 726 с.

REFERENCES

1. Basilevsky B. *Gosudarstvennyye prestupleniya v Rossii v XIX veke: sb. polit. protsessov i dr. materialov, odnosyashchikhsya k istorii revolyuts. i oppozits. dvizheniy v Rossii*. T. 3: (*Protsess 193-kh*) [State Crimes in Russia in the 19th Century: a Collection of Court Cases on Political Offences and Other Materials Relating to the History of the Revolutionary and Oppositional Movements in Russia. Vol. 3: (The Case of 193)]. St. Petersburg, 1904–1906. 308 p.
2. Yefremova N.N. [Justice as a Factor Developing Legal Consciousness and Legal Culture of Russia in the Post-Reform Period]. In: *Pravo* [The Law], 2013, no. 3, pp. 3–11.
3. Krakovskii K.P. [Judicial Reform of 1864: the Nature and Historical-Legal Evaluation]. In: *Zhurnal Rossiiskogo prava* [Russian Law Journal], 2014, no. 12 (216), pp. 16–31.
4. Kovalenko T.S. [The Origin, Formation and Development of Judiciary in Russia]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 2016, vol. 22, no. 5, pp. 259–263.
5. Moisinovich A.M. *Sudebnaya reforma 1864 g. v otsenkakh sovremennikov i issledovatelei vtoroi poloviny XIX vv.: dis. ... kand. yurid. nauk* [Judicial Reform of 1864 in the Assessments of Contemporaries and Researchers of the Second Half of the Nineteenth Century: PhD Thesis in Law]. Yaroslavl, 2006. 260 p.
6. Chistyakov O.I., ed. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 6. Zakonodatel'stvo pervoi poloviny XIX veka* [Russian Law in 10th –20th Centuries. Vol. 6. Legislation of the Early 19th Century]. Moscow, Legal Literature Publ., 1988. 432 p.
7. Chistyakov O.I., Vilensky B.V., eds. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 8. Sudebnaya reforma* [Russian Law in 10th –20th Centuries. Vol. 8. Judicial Reform]. Moscow, Legal Literature Publ., 1990. 496 p.
8. Stasov D.V. [The Karakozov Case (Some Information and Memories)] In: *Byloe*, 1906, no. 4, pp. 276–298.
9. *Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda s izlozheniem rassuzhdenii, na koikh oni osnovany. Ch. 2* [The Judicial Statutes of November 20, 1864, and the Arguments They Are Based On. P. 2]. St. Petersburg, Publication of the State Chancellery Publ., 1866. 555 p.
10. Tagantsev N.S., comp., intr. *Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh 1866 goda: s dopolneniyami po 1 yanv. 1876 g.* [The Code on Criminal and Correctional Punishments 1866: with Amendments on 1 Jan. 1876]. St. Petersburg, Typography of M. Stasyulevich, 1876. 726 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Артеменко Игорь Анатольевич – аспирант кафедры теории и истории государства и права Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова;
e-mail: advokatartemenko@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor A. Artemenko – postgraduate student, Department of Theory and History of State and Law, Institute of History and Law, Khakass State University named after N.F. Katanov;
e-mail: advokatartemenko@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Артеменко И.А. Отдельные аспекты (проблемы) правоприменения в области осознания понятия преступления в отечественном уголовном праве и правосознании в период действия судебных уставов 1864 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 101–108
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-101-108

FOR CITATION

Artemenko I.A. Understanding The Concept Of Crime In 1864 Judicial Statutes. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 2, pp. 101–108
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-101-108